

уроков» «классик» Сумароков, чего не смогли достигнуть ни сентименталист Карамзин, ни романтик-любомудр Кюхельбекер, — «показал России Шекспира», воспринятого, осмысленного и взятого им на вооружение, в соответствии с потребностями своего собственного роста и поставленными им себе художественными задачами, сознанием созревающего в нем писателя-реалиста. И именно так понятого Шекспира сроднил Пушкин, «вжил» в последующую русскую литературу.

И снова, в качестве еще одного примера пушкинского дальновидения, не могу не напомнить следующий, уже давно обративший на себя мое внимание и упоминавшийся мною в высшей степени примечательный факт — призывы Маркса и Энгельса к Лассалю, в связи с написанной им вслед за гётевским «Гецом», но «по-шиллеровски» (в одностороннем, субъективно-романтическом духе) драмой «Франц фон Зикинген», «шекспиризировать» ее — развернуть в ней более широкую картину изображенной исторической эпохи, больше активизировать роль народных масс — крестьянства, конкретно-исторически разработать характеры исторических лиц не «превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени» (Маркс); придать более живости и движения диалогу, словом, «за идеальным не забывать реалистического, за Шиллером Шекспира» (Энгельс)¹⁷.

У нас нет никаких сведений о знакомстве Маркса и Энгельса с трагедией Пушкина, тем более с его письмом к Раевскому. Но, перечитывая эти настоячивые призывы, делавшиеся почти 35 лет спустя, не можешь не подивиться переключке во многом и многом только что указанного как с этим письмом, так и с рядом других высказываний поэта о сущности и методе драматического искусства и о «народной трагедии Шекспировой». Примечателен и призыв Энгельса к Лассалю воспользоваться теми «характерными образами», которые дает драматургу выбранная им эпоха «разложения феодальных связей в лице странствующих королей-нищих, побирающихся ландскнехтов и всякого рода авантюристов — поистине фальстафовский фон, который в исторической драме такого типа был бы еще эффектнее, чем у Шекспира!» «Полное слияние идейной глубины, обоснованного исторического смысла, которые вы не без основания приписываете немецкой драме, с шекспировской живостью и действительностью будет достигнуто, вероятно, в будущем, да пожалуй, и не немцами. Во всяком случае в этом слиянии я вижу будущее драмы». Энгельс не знал, что образец «будущей» драмы подобного типа, вплоть до «фальстафовского фона» (вспомним сцену в корчме), был уже создан больше четверти века назад, и, действительно, не немецким писателем, а тем же столь восхищавшим его и Маркса автором «Евгения Онегина», родоначальником новой русской литературы — Пушкиным. Не удивительно, что так далеко, но по ходу последующего «просвещенного века» ушедшая вперед от своего времени эстетическая мысль (р е а л и с т и ч е с к а я интерпретация Шекспира) и соответствующая этому творческая практика Пушкина, хотя и вызвали «одобрение малого числа [людей избранных]» (XI, 140), не были ни поняты, ни приняты романтически настроенными современниками, в том числе даже так высоко оценившим «Онегина» автором знаменитой романтической, тоже отразившей некоторые грани Шекспира (в частности, его фантастику — «северную мифологию»), драмы «Дядя» Мицкевичем, который, признавая наличие в «Борисе» «не только деталей, но и целых сцен, «изумительных по красоте», считал, что «слишком молодой» поэт все же не дозрел еще до Шекспира, хотя со временем может стать вровень с ним: «Et tu Shakespeare eris, si fata sinant»¹⁸. Но вобрав в себя, как драгоценное и необходимое ему для своего творческого роста достоинство, широкий и разносторонний — объективный — метод и «народную систему» великого драматурга, Пушкин ни в какой мере не собирался становиться вторым

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. 1. М., «Искусство», 1957, с. 25, 26 и 31. См. и всю переписку их на эту тему с Лассалем. — Там же, с. 15—51.

¹⁸ Мицкевич Адам. Собрание сочинений, М., «Художественная литература», 1954, т. 4, с. 94.